

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

председатель Союза писателей России

К 80-летию Бориса Олейника

Дорогой Борис! Поздравляю тебя с 80-летием!

Но какие наши годы? По советским меркам ты, наконец, достиг возраста члена Политбюро, а до этого — только кандидат.

Мы довольно старые знакомые, ещё с 50-х годов по Киевскому университету. Ты частенько рассказывал мне про полтавскую родную Зачепиловку, а я про миргородскую Камышню, где я жил после войны.

Оканчивая Камышинскую школу, я хорошо знал украинскую мову и литературу, хотя был русский человек. Я хорошо знал литературу благодаря двум светоносным своим учителям: учительнице русской литературы Надежде Васильевне и учительнице украинской мовы Ганне Никифоровне. Требовательная Надежда Васильевна, преподававшая великую русскую литературу, прививала восхищение и восторг простым сельским хлопцам и девчатам, любовь к Ломоносову и Державину, Пушкину и Лермонтову, Гоголю и Тургеневу, Достоевскому и Толстому, Чехову и Есенину, Шолохову и Твардовскому, и всем, кто сеял “разумное, доброе, вечное”. Да ведь и классик украинской литературы Иван Франко громогласно заявлял: “Мы любим российских писателей. Мы все русофилы, слышите, повторяю ещё раз, мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и учим его язык, и читаем на нём нового, наверное, не меньше, а может больше, чем на своём... и русских писателей, великих светочей в духовном царстве мы знаем и любим...”

Вторая наша любовь в школе была с горящими глазами Ганна Никифоровна. Она научила меня украинской мове, её духу, славянской корневой сути, той красивой музыке полтавско-киевского диалекта, не загаженного австро-венгерскими, польскими словечками, что внедряются ныне в сознание и произношение. Радость от познания сочинений Котляревского, Нечуй-Левицкого, Панаса Мирного, Леси Украинки, великого Кобзаря Шевченко, Коцюбинского до поэтов советского времени — Павло Тычины, Сосюры, Рыльского, Малышко, других, была безмерна. Думаю, как же искусно и возвышенно вкладывали наши учителя великое и вечное в наши головы и сердца, выстраивая платформу любви и дружбы между людьми и народами.

Позднее мы это чувствовали не раз, приезжая в Киев по приглашению фонды культуры Украины по разным литературным случаям.

Вот, например, в 2007 году мы приезжали и отмечали годовщину Николая Васильевича Гоголя и выход полновесного тома писателя в “Библиотеке Черномордина”. Тогда Борис Ильич Олейник был не только хозяином встречи, но и духовным толкователем значения Гоголя для наших народов. В 1989 году на Славянской встрече в Киеве раздавались возмущённые голо-

са: “Очистить Украину от гоголизмов”. Слава Богу, нынче в Киеве, в том числе после встреч в украинском Фонде культуры Гоголь признан и даже провозглашён украинским писателем.

В ответ на вопрос, обращённый ко мне председателем правительства Украины Кинахом после Сорочинской ярмарки: “Дақ чей же писатель Гоголь: русский или украинский?” – я ответил, думаю, правильно: “Поделимся как Гоголем, так и Пушкиным и Толстым, как и вы Шевченко и Лесей Украинкой”. Да, духовными ценностями надо делиться без процентов.

Запомнится и выдающаяся встреча, посвящённая 825-летию “Слова о полку Игореве”, той нашей общей, сверкнувшей и сияющей звезде, пришедшей к нам из XII века. Разговор шёл на Украине, в Новгород-Северском и Путивле. Два великих украинца, академики Олейник и Толочко, как и мы, сделали свои сообщения. Казалось, откуда-то оттуда, издалека, прозвучали из “Слова о полку Игореве” предостерегающие нас слова, которые прочитал Борис Ильич: “Рекоста бо брат брату: Се мое, а то мое же. И начяша князи про малое “се великое” молвити, а сами на себе крамолу ковати”. Юбилей “Слова” мы отметили словесно, хотя нашим Министерством культуры было не до этого.

Борис известен как защитник славянского братства и дружбы, которые отстаивал не только в праздничные дни, но и под бомбами в Белграде, зачитывая слова Шевченко: “Слава тобі Шафаріку. Во вікі и вікі, що звів еси в одно море славянські рікі”.

И ещё славное событие, которое мы отметили с Фондом культуры Украины в 2009 году. Выпуск великого романа XX века – «Тихого Дона» М. А. Шолохова с переводом на украинский язык. Переводы были и раньше, но в связи с найденными и выкупленными двумя первыми томами рукописи решили внести правку и исправления, вернее, уточнения автора в последние годы его жизни. А также представить всех художников “Тихого Дона”. Шолохов был широко известен на Украине. Его мать была украинка, её родители с Черниговщины. Читали роман на русском и украинском.

... Помню, как в 1967 году мы, издательство “Молодая гвардия” и комсомол проводили в станице Вёшенской, на родине Шолохова, встречу молодых писателей Советского Союза и зарубежья. Вышли на холм, под которым протекал Тихий Дон, кругом переливался ковыль и лазоревые цветы, внизу виднелся изгиб реки. И вдруг я увидел, что у молодого писателя Юрия Мушкетика, с которым я тоже учился в Киевском университете, на глазах слёзы. “Что с тобой, Юра?” – “Та я же все цэ бачів. Про всэ читав!” Так всплывало время, природа, события из великой книги.

Больше года переводил “Тихий Дон” Володя Середин, тоже выпускник КГУ. Андрей Черномырдин в память о своём отце, бывшем после России на Украине, оплатил выпуск книги.

Назначили презентацию, и вдруг узнаём, что главный организатор встреч, председатель Фонда культуры Борис Ильич болен и лежит в больнице. Катастрофа! Но ехать надо. Презентация назначена в Парламентской библиотеке в центре Киева. Заходим. Зал полон, немало знакомых лиц по университету, по литературе. Идём к своим местам и вдруг... Борис Ильич! “Сбежал из больницы, врач кричит вдогонку “под вашу личную ответственность!”.

Борис открыл вече, сказал блистательное слово о романной форме, о “Тихом Доне”, о кровавых драмах и истории. А дальше была встреча и разговоры в Фонде Л. Кучмы о книге, времени, наших культурных связях. Встречу вёл сам Кучма. Я и Иван Драч ему ассистировали.

А вот второй пласт наших встреч с Борисом. Я, директор издательства “Молодая гвардия”, перед этим завотделом в ЦК комсомола. Звонит Борис: “Валера! Ось тут стихи Васыля Симоненко знимають”. – “За что?” – “За буржуазный национализм”. Я говорю: “Да что они придумывают? У нас ни одного порядочного буржуа на Украине сейчас нет”. (Думаю, нынче их пруд пруди.) Стихи Симоненко тогда только появились у нас в обиходе. Моя жена Светлана привезла книжечку из поездки с молодыми педагогами зарубежья на Черкашину. Декламирую по памяти: “Можна все на світі вибирати, сину. Вибрати не можна тільки Батьківщину”.

Звоню Юрию Ельченко, тогда первый секретарь ЦК комсомола Украины: “Юрий Никифорович, что там на “Зміну” нападають по поводу стихов Симоненко. Никаким махровым национализмом там не пахнет, просто поэт любит

свою землю и людей”. — “Ты так считаешь?” Но звонок из “центра” помогает ему принять решение: “Да нет, всё пойдёт”, — я ехидничаю: “Вы там за бывшими бандеровцами следите, а то оживают, из нор выползают”. — “Да нет, этого не будет никогда. До побачения”.

В издательстве же “Молодая гвардия” украинцы были постоянно издаваемыми авторами. Тут и Олесь Гончар, и Павло Загребельный, и Сизоненко, и Иван Драч, и Яворивский, и Стельмах, и Олейник, и Лубкивский, и Михаил Шевченко, да и тот же Симоненко. Ясно, что из всех союзных республик писателей Украины было больше всех. Мы этим гордились. Олесь Гончар меня любил, приглашал в гостиницу “Москва” побеседовать, да и пообедать. Говорили об именах молодых и старых, о литературе и истории.

Да и сам я переводил для “Советского писателя” книгу полтавчанина Малика “Червленые щиты” (о “Слове о полку Игореве”) и “Каштаны на спомин” Артамонова и др.

Ещё: Борис Ильич человек остроумный и “юморной”. Я даже выпустил книжку “Всякая всячина”, где порассуждал о природе смеха. “Юмор и гумор” — называлась одна статеечка, где написал, что юмор и гумор — понятия одного смысла и ряда. Юмор широк, разливист, может касаться всего. Иногда тоньше, иногда покрепче, на грани. Гумор хитроват, часто кажется наивным, но столь же задирист и глубокомысленен, смешлив и поучителен.

Два народа умели пошутить над собой, да и друг над другом, а уж над врагом — пощады не давали. Чего стоит Письмо турецкому султану от запорожских казаков всех национальностей. Вот и получал я хохочущий и целебный нектар с цветков России и Украины, от хохлов и кацапов, чьи прозвища выражали задиристую насмешку. Украинцы и русские давно создали улыбочивый союз, а может, даже всепобеждающий блок, что посильнее всякого НАТО.

Приехал в Киев в связи с 60-летием Бориса. Поздравляю в громадном зале. Годы напряжения, с одной стороны, “свидомі незалежники”, с другой, “отпетые патриоты”, а плоды народного труда делят “новые русские” и “нові українці”, а в основном “старые евреи”. Я начинаю Слово: “Приветствую вас, Борис Ильич, от имени секретарей Союза писателей России — Бондаренко, Дорошенко, Барановой-Гонченок и...” В зале, разумеется, ехидный смех: “Вот на каких человеческих ресурсах живут москали”. Я продолжаю: “А также от Сергея Михалкова, Валентина Распутина, Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Василия Белова, Владимира Карпова, Петра Проскурина...” В зале аплодисменты.

На фуршете Борис благодарит: “Я тобі бажаю щастя, Валера. Повная хата добрых людей, щоб стол був повный смачного, а сала було багато, — потом хитро прищурился и закончил, — хай у мене буде все це, но я же хохол, хай у мене буде трошки бильше”.

Хохочем. Я тут же отомстил: “Вот недавно позвонил в Союз писателей Михаил Шевченко (мы его знали как поэта и секретаря Спилки писменников Украины) и спросил: “Ну як там у вас в Москве?” — “Плохо, Миша, плохо!”. — “Ой, тай у нас погано. А як влада?” — “Да какая там власть — бандиты с большой дороги”. — “Ой, та у нас тэж самэ! А як президент?” — “Хуже некуда” (Ельцин недавно расстрелял парламент, в стране олигархический разбой). — “Ой, и у нас такой же”. Потом помолчал и сказал: “Ни, у вас щэ гіршэ”. Всё-таки патриот Миша.

Да, чего только не было. Вот из последних анекдотов, привезённых с Украины. Сидит старый галициец и говорит внуку: “Ой, внуче, як ми добре жили, все у нас було, все було, але прийшли москали и навязали нам оцю самостийность”. Горько смеёмся.

Посмеялись мы как-то и над одной историей. В Крыму отмечали 200-летие А. С. Пушкина. Были делегации Украины, Белоруссии, России. Почитали стихи, потом возложили цветы к памятнику Пушкину, Леси Украинки, Богдановича (классика белорусской литературы).

Потом возложили цветы к Руданскому. У нас дома его песня “Повій витре на Вкраину” звучала постоянно. Пели мы её и в Москве. Делегацию Украины возглавляли энергичный Дмитро Павлычко и монументальный Иван Драч. Знаю обоих давно, издавал. Говорю Павлычко: “Помнишь, я издавал тебя в “Библиотечке избранной лирики” 500-тысячным тиражом?” — “Ото була казка!” — “Да, було и минуло, любленец культуры Украины”. — “А зараз заспиваем “Повій витре на Вкраину” у могилы Руданского. Оксана, заспивай!”

Запела дружно вся делегация. Второй куплет мы уже пели вдвоём с Оксаной, а третий я заканчивал один. Профессор Казарин из Симферополя давился от смеха. “Ты чего?” — “Хохлы молчать, а москаль спивает”. Я успокоил: “Да у нас многие патриоты в песнях третий куплет не знают”. “Це вирно”, — подтвердил Борис.

Ну и последнее. Оставив литературоведческие размышления на будущее, мне очень близки слова Бориса Ильича, сказанные им в одном из предисловий к книге “Избранное”.

“Со времён Великой Отечественной войны, — писал он, — во мне живёт непоколебимое презрение ко всяким отступникам и перебежчикам, одним словом, к предателям. И сам никогда не менял своей ориентации, уже хотя бы по той причине, чтобы не пополнять собой их ряды, тем более что идеи социализма — от самого Господа Бога, ибо проповедуют равенство, братство и свободу личности. А сама идея несколько не виновата в том, что её так исказили. Но нет прощения тем, которые её, эту идею, деформировали”.

В 1980 году я был снят с поста главного редактора “Комсомольской правды” с её 12-миллионным тиражом. В “инстанции” мне сказали: “Вы хотите доказать, что у нас в стране есть коррупция?” Защищаюсь: “Но есть же факты”. “Вы приводите “фактики” и хотите обобщить. В такой массовой газете это допустить нельзя”. В общем, “выгнали”, “сняли”, “освободили” — назвать можно как угодно: за разоблачение коррупции. Хотя тогда это были лишь “цветочки” по сравнению с сегодняшними “ягодками”. Но сняли-то, конечно, не за это. К тому времени я прослыл известным русофилом, даже ярым националистом и, что ещё хуже, шовинистом за то, что любил свой народ, свою страну. Шовинистом я, конечно, не был, ибо считаю слова Достоевского: “Русский человек — всечеловек, которому близки все радости и горести мира” очень правильными. Короче, освободили, да ещё в придачу после этого были странные автомобильные катастрофы и увечья. К “снятому” человеку людей заходит немного, а то и совсем мало, звонки прекращаются, на другую сторону дороги переходят, когда встречаются. Опускаюсь на “дно” литературной работы, пишу роман, исторические очерки. Вдруг звонок: “Валера, это Шолохов, кто там клюёт, чем помочь?” — “Да нет, проживём, вот посоветоваться бы”. — “Приезжай в Вёшенскую”. Затем следующий звонок (Борис Олейник): “Валера, я ось тут из Зачепиловки одну историю привиз, приезжай в Киев”. Нет, есть немало соратников, друзей, товарищей — живём дальше.

Слова Бориса из этого же предисловия: “Всегда выше злата и дороже, чем самые дорогие камни, я ценю чистое золото дружбы и побратимства”, — считаю самыми близкими и заповедными для меня.

Мой предшественник Сергей Владимирович Михалков, возглавлявший Союз писателей двадцать лет, одаривший нас немалым количеством афоризмов, оставил мне в назидание одну фразу: “Валерий, ты должен помнить, что если у нас в многотысячном Союзе писателей отдадут команду: “на первый-второй рассчитайся” — вторых номеров не будет. Так что у нас с тобой нет второстепенных товарищей-писателей — все первые или никчёмные”. Ну, так вот в 90-летний юбилей Михалков сказал мудрые слова: “Вот когда отмечали 85 лет, все говорили “здорово, давай до 90”. Глупо было бы обещать, а дожил — умно!”

Вот так, Борис Ильич, продолжай “умно” до 90 лет, хотя и тут услышишь мудрые слова: “Не надо ограничивать милость Божию”. Итак, до 90 и не ограничивай милость Господа дальше.

А закончить хочу полюбившимися мне на Украине словами: “Хай Щастять!”

Давний друг и сотоварищ, выпускник КГУ 1956 года